

Йеске и Софии Ирине посвящается



Рис. 0.1. Советский Таджикистан: города, крупные реки и промышленные объекты. Карта составлена Биллом Кеплером

Благодарности

Любая попытка перечислить все долги, накопленные за период написания этой книги, быстро примет борхесовский характер, заняв гораздо больше страниц, чем сама работа. Тем не менее я попытаюсь.

Прежде всего я в долгу перед людьми, которые поделились со мной своим временем, опытом и знаниями. Я особенно благодарен Азизджону Рахмонову, Мунире Шахиди, Олле Андерсену, Равшану Абдуллаеву и Ходжимухаммаду Умарову. Абдурашид Самадов на протяжении многих лет делился своими познаниями в области персидской литературы и стал бесценным проводником в мир таджикско-советской интеллигенции. Первыми моими проводниками в Нуреке были Рустамбек и Курбон Ашуровы. Исмоил Толбаков, Зарагуль Мирасанова и сотрудники Института истории партии в Душанбе любезно предоставили доступ к партийным архивам. Тахмина и ее сотрудники в Центральном государственном архиве Республики Таджикистан на протяжении многих лет оказывали мне неоценимую помощь. Огромное спасибо также сотрудникам Библиотеки имени Индиры Ганди при Академии наук, которые неизменно были любезны, гостеприимны, услужливы и терпеливы.

С тех пор как в 2004 году я начал проводить исследования в Москве, у меня была возможность чувствовать себя в России как дома, что недоступно многим эмигрантам. Во многом это случилось благодаря тому, что Евгений Голынкин и Алла Шашкова делили со мной свой дом. Я также благодарен Михаилу Липкину, Сергею Абашину, Наталье Капитоновой, Владимиру Шубину, Вячеславу Некрасову и другим московским ученым,

которые содействовали моим исследованиям и предоставляли интеллектуальную пищу для размышлений. Особой благодарности заслуживают сотрудники различных архивов, перечисленных в библиографии.

Мои наставники, как старые, так и новые, помогли мне разработать концепцию этого проекта, предоставляя ценную критику и советы. Одд Арне Вестаад продолжал оказывать поддержку, воодушевлять меня и поддерживать связь еще долгое время после того, как его формальные обязанности закончилась. Дэвид Пристленд также предложил бесценные советы и продуманные замечания по некоторым главам. Адиб Халид вдохновил меня продолжить этот проект и помог мне отточить мышление на самых ранних стадиях. Мюриэль Аткин оставалась одним из моих самых жестких критиков с тех пор, как я впервые посетил ее лекции по истории России на первом курсе, и она помогла мне в разработке этого проекта благодаря своим энциклопедическим знаниям о Таджикистане.

Я без зазрения совести просил друзей и коллег прочитать мою работу и составить отзывы. Особо я благодарен Флоре Робертс, Патрику Рейду и Тиллю Мостоулански, которые от начала до конца прочитали черновые версии этой рукописи и дали полезные комментарии. Дина Файнберг прочитала многие из этих глав не по одному разу, и я не могу представить себе завершение этого проекта без ее участия. То же самое касается и Ванни Петтина, который помог мне увидеть связи между тем, что происходило в Средней Азии, и процессом развития в таких отдаленных местах, как Латинская Америка. Дэвид Энгерман подтолкнул меня к тому, чтобы доработать некоторые аргументы по ряду пунктов касательно последних нескольких лет, и дал ценные советы по составлению введения. Я ощущаю особую связь с людьми, с которыми встречался «в полевых условиях». Беседы с Машей Кирашировой, хоть и нечастые из-за географического расстояния, обеспечивали пищу для размышлений и духовную подпитку на многие месяцы. Выражаю особую благодарность Малике Баховадиновой и Айзеку Скарборо, с которыми я надеюсь продолжить сотрудничество в последующие годы. Беседы с Дэниелом Бебеном

и Джеймсом Пикеттом всегда были познавательными, и я благодарен им за то, что они на протяжении многих лет делились своим лингвистическим опытом. Габриэль ван дер Берг любезно отвечала на вопросы. Спасибо Кристиану Блейеру, блестящему знатоку истории, политики и природы Таджикистана.

Ученые стремятся выйти за рамки своих наук и ознакомиться с другими дисциплинами. Для этого необходимо найти экспертов, готовых поделиться своими знаниями и предложить критический взгляд. Эта книга была бы совсем другой без вклада Джули Макбрайен и Якова Фейгина. Я также благодарен П. В. Зюйдхофу, Луизе Беласевич, Софи Рош и Жанне Фо де ла Круа. Джордж Блаустайн был моим источником информации обо всем, что касается Америки, нравилось ему это или нет. Я также благодарен Ширин Акинер и Зайре Бадилло-и-Кастро за то, что они приняли меня в Лондоне и поддержали очень полезные дискуссии.

Этот проект был задуман, когда я учился в Лондонской школе экономики, но большая его часть была осуществлена в Амстердамском университете. Мои коллеги, в частности Майкл Кемпер, сделали все возможное, чтобы оказать мне поддержку и создать стимулирующую интеллектуальную среду. Я неизменно благодарен Ханне Янсен, одной из первых, кто заставил меня почувствовать себя в Амстердаме как дома. Большое спасибо также Данису Гараеву, Саре Кромбах, Альфриду Бустанову, Эрику ван Рее, Бену де Йонгу, Марку Янсену и Татьяне Дас за их компанию и стимулирующие дискуссии на протяжении многих лет.

Это исследование получило щедрую поддержку от нескольких учреждений. Грант IREX позволил мне совершить первую поездку в Таджикистан в 2011 году, а офис IREX в Душанбе продолжал оказывать поддержку в последующие годы. Моя благодарность Радику Найбуллину и Ибрагиму Рустамяну. Основная часть этого исследования была проведена при поддержке гранта Veni от Голландской исследовательской организации (NWO). Голландская королевская академия наук оказала поддержку семинару по развитию в Средней Азии, состоявшемуся в 2015 году. Амстердамская школа региональных, транснациональных и европейских исследований оказала дополнительную поддержку, когда проект

приближался к стадии публикации. Выражаю благодарность Кристиану Ноаку и Полу Купману.

С тех пор как Роджер Малкольм Хейдон сказал: «Я ненавижу планы книг», я знал, что это редактор, с которым я хочу работать. Моя благодарность ему за то, что он рискнул взять эту книгу и довел рукопись до конца. Большое спасибо также выпускающему редактору Саре Фергюсон, Биллу Нельсону за карты, Сэнди Эйткен за индекс и двум анонимным читателям за их тщательную оценку и полезные комментарии. Брайан Инман Беккер по-прежнему остается моим замечательным другом и редактором.

Все это было бы невозможно (или бессмысленно) без поддержки друзей и семьи. Моя бабушка Ирина Кронрод и мой отец Михаил Калиновский скончались до того, как книга была завершена. Каковы бы ни были их чувства к Советскому Союзу, они были советскими людьми, на формирование которых повлияли институты этой страны и особый тип социальной мобильности, предлагаемый этими институтами. Хотя они были родом из другого конца страны, многие из вопросов, которые я задавал в своем исследовании, неизбежно отражали мои размышления об их жизненном пути. Йеске Руигрок и глазом не моргнула, когда я впервые попросил ее приехать в Таджикистан, и стала таким же энтузиастом, как и я. Более того, иногда казалось, что ее энтузиазм относительно этого проекта превосходит мой. София Ирина отнюдь не ускорила процесс, но ее появление в нашей жизни сделало гораздо лучше все остальное.

О транслитерации

Таджикский язык состоит в близком родстве с персидским и до 1920-х годов использовал персидское (арабское) письмо. Орфографические реформы, предпринятые в советский период, привели к тому, что язык стал передаваться с помощью модифицированного латинского алфавита, а затем с помощью модифицированной кириллицы (о связи между таджикским, персидским и дари см. статью Джеймса Пикетта «Вводящие в заблуждение и диалектически ошибочные: языковые учебники и педагогическое участие в проектах по развитию нации в Средней Азии» [Pickett 2017]).

Таджикские имена представляют особую сложность. В советский период большинство жителей Средней Азии использовали русифицированные отчества и фамилии. С 1991 года большинство людей сохранили фамилии, но постепенно отказались от использования отчеств. Некоторые таджики сохранили фамилии, но отказались от русского окончания (нынешний президент Эмомали Рахмон до 2005 года был известен как Рахмонов) или добавили персидское «заде» (рожденный от) или же окончание й. Другие сохранили имя, но изменили его написание. Это означает, что некоторые люди в советский период были известны под одним именем, а после обретения независимости под другим. Я, как правило, придерживался написания имен, использовавшегося в советский период, но в некоторых случаях приводил обе версии, чтобы избежать путаницы.

Введение

Обещание развития

В этой книге рассматриваются некоторые из ключевых проблем конца XX столетия. Могут ли преимущества индустриальной современности стать широкодоступными? Какая политическая и экономическая система предлагает наилучший путь экономического и социального развития? Можно ли преодолеть наследие Второй мировой войны и сталинского террора? Каким образом можно исправить ошибки европейского империализма, включая экономическое неравенство и культурное господство? Могут ли бывшие колонии и колонизаторы стать союзниками в этой борьбе? Если да, то на каких условиях? Можно ли чего-либо из всего этого достичь, не причиняя вреда природной среде Земли? Или же путь к процветанию людей ведет к уничтожению всей планеты?

Историки уже довольно давно спорят над всеми этими вопросами. Монография, предложенная вашему вниманию, фиксирует для читателей эти современные драмы политического, экономического и экологического толка, в том числе наследие Советской Республики Таджикистан. Хотя Таджикистан может показаться лишь отдаленной частью Советского Союза, его история в целом отражает историю советского развития, а также другие усилия, предпринимавшиеся в XX веке и связанные с преобразованием экономических систем и обществ в постколониальном мире.

После Второй мировой войны лидеры новых независимых государств по всему миру обратились к радикальным программам экономического развития с целью преобразования своих обществ. Благодаря сочетанию земельной реформы, модернизации сельского хозяйства и индустриализации такие лидеры, как

Кваме Нкрума из Ганы и Джавахарлал Неру из Индии, надеялись создать современные государства, которые обеспечили бы процветание своим гражданам. Многие правительства Латинской Америки стремились к индустриализации и амбициозному расширению государства всеобщего благосостояния, бросая вызов внутренним элитам и экономическим отношениям региона с Соединенными Штатами. В свою очередь, Соединенные Штаты, Советский Союз и, позднее, Китайская Народная Республика конкурировали за лояльное отношение той части света, которая стала известна под названием «третьего мира», предлагая лидерам постколониальных стран помощь в виде советов и ресурсов.

В период между смертью И. В. Сталина в 1953 году и распадом Советского Союза в 1991 году Москва приступила к реализации аналогичного проекта развития на своей полуколониальной периферии — в республиках Средней Азии. Хотя преобразование «отсталых» районов бывшей Российской империи было на повестке дня Москвы со времен революции 1917 года, после смерти Сталина эта цель преследовалась с особой силой. Окончание сталинского террора изменило как политику, так и местный опыт развития. Политики на местах воспользовались растущим интересом Москвы к странам третьего мира, чтобы поддержать развитие своих собственных, преимущественно сельскохозяйственных, республик. Как и лидеры постколониальных и развивающихся стран, они надеялись, что строительство плотин и ирригационных систем, индустриализация и образование радикально преобразуют их республики и сделают их граждан членами современного общества. Москва, в свою очередь, представляла Среднюю Азию как модель развития для стран третьего мира.

Амбициозные политики использовали взаимодействие Советского Союза с третьим миром для формулирования и лоббирования новой культурной и экономической политики — и для собственного продвижения по карьерной лестнице. Таджикские крестьяне, рабочие, ученые и инженеры участвовали в обсуждении советских экономических и культурных проектов развития.

Но сама окружающая среда играет на страницах этой книги ведущую роль. Горы, долины, почва и реки были как ресурсами, так и целью разнообразных проектов развития. Также частью этой истории были тракторы, хлопкоуборочные комбайны, высоковольтные линии электропередач, кровельные материалы и школьные учебники. Эти обыденные предметы не были отделены от высоких целей развития, а являлись их неотъемлемым компонентом; нам следует их учитывать, чтобы оценить то мощное воздействие, которое видение социалистического развития оказывало на воображение множества людей, а также последствия попыток реализовать это видение.

Я пришел к этой теме случайно. Сначала я поехал в Таджикистан, планируя изучить роль таджикской элиты в советской политике. Но проведение исследований в Архиве Коммунистической партии Таджикистана было непростым делом. Проще говоря, не существовало формальной процедуры получения доступа. В первую неделю моего пребывания в стране мне посоветовали пойти прямо в штаб-квартиру партии и изложить свою позицию, что я и сделал. Отделение партии занимает второй этаж здания, в котором ранее, когда партии республиканского уровня были объединены под началом Коммунистической партии Советского Союза, располагалась штаб-квартира городской партийной организации. Большая часть этажа по-прежнему находилась под номинальным контролем коммунистов, но у них остался только один штатный сотрудник, бывшая комсомолка по имени Зарагуль, которая собирала членские взносы и курировала различные кампании и съезды. Хотя она сразу же проявила ко мне сочувствие, мне все равно потребовался почти месяц, чтобы получить доступ. Я возвращался в отделение каждые несколько дней; у меня практически не было контактов и доступа куда-либо еще, и делать было нечего. Во всяком случае, прохладные коридоры позволяли передохнуть от июньской жары.

Меня удручала необходимость проводить время в темных, обветшалых коридорах и приемных некогда могущественной партии, вместо того чтобы просматривать правительственные

документы в архиве, но в этом присутствовала и неожиданная выгода. Активисты со всей страны приезжали сюда, чтобы заплатить взносы, забрать материалы или просто наверстать упущенное. Однажды днем, когда я пришел, чтобы узнать, как обстоят дела с моим запросом на доступ в архив, Зарагуль разговаривала с седовласым мужчиной. Она представила его как одного из активистов партии из Айни (горный район на полпути между Душанбе и Худжандом на севере). Его звали Низомуддин. Возможно, желая избавиться от нас обоих, Зарагуль предложила мне взять у него интервью. Низомуддин с радостью рассказал мне свою историю, и мы устроились в пустующем помещении по соседству — я за старым столом какого-то аппаратчика, он на кожаном диване у стены.

Как оказалось, Низомуддин не был, как я сначала предположил, активистом со стажем, все еще цепляющимся за партию. Напротив, он вступил в нее только после распада Советского Союза. Но у его семьи была серьезная коммунистическая родословная, которой он очень гордился. Низомуддин сказал, что вместо того, чтобы бежать в Афганистан, как это делали в 1920-х годах некоторые противники советского режима, его дед собрал деревенских крестьян и предложил добровольно организовать колхоз. Отец Низомуддина всю жизнь был членом партии. Сам Низомуддин учился в университете, и ему было сложно вступить в партию, так как в 1970-х и 1980-х годах партия пополняла свои ряды за счет рабочих, чтобы избежать доминирования «белых воротничков». Мне было интересно, что заставило его вступить в партию, когда ее расцвет был уже позади и когда членство вряд ли принесло бы какие-либо очевидные материальные, политические или социальные выгоды. Его ответ удивил меня: «Сегодня, — сказал он, — наши люди едут в Америку и говорят: “Смотрите, у них там настоящий коммунизм”. А я говорю: “Да, но какой ценой?!”» Сначала я не мог понять, какое отношение имеет к коммунизму Америка. Но, как объяснил Низомуддин, он имел в виду большие здания, машины, инфраструктуру — все те вещи, которые ассоциируются как с советским, так и с американским видением современности. Для Низомуддина главной проблемой, похоже,

было то, как это все получить — предположительно, без неравенства и неурядиц, связанных с капиталистическим прогрессом.

Ответ стал откровением. Изначально я планировал написать простую политическую историю советской провинциальной элиты, но такие разговоры заставили меня осознать, что представления о том, что мы могли бы назвать «развитием» или «современностью», являются для любого советского опыта на периферии ключевыми. Представления о революционной трансформации были для советского проекта ключевыми с самого начала, и они являлись важным оправданием существования режима. На периферии, то есть в бывших царских колониях, этот взгляд давал надежду на вхождение в индустриальную современность, свободную от империалистического господства. Понимание Низомуддином своего места, а также места своей семьи в этой истории, его понимание того, чем был и чем должен быть коммунизм, наводит на мысль, что этот взгляд обладал большой силой. Если мы хотим понять локальную динамику советского проекта, нам нужно начать с ситуаций, подобных той, в которой оказался Низомуддин, каким бы противоречивым ни казалось его представление о всеобщей истории.

Мое исследование было вдохновлено несколькими актуальными дискуссиями о Советском Союзе, Средней Азии и истории развития постколониальной и холодной войны, которые практически не пересекаются¹. Большая часть ранних работ по развитию и иностранной помощи во время холодной войны была сосредоточена на изучении истории усилий США по развитию и на теории модернизации. Эти работы показывали, как вера середины XX века в прогресс США привела ученых и политиков к продвижению программ социальной и экономической трансформации для постколониальных государств. С середины 2000-х

¹ См., например, следующие статьи: [Engerman 2004; Engerman, Unger 2009]. Корпус литературы стал довольно обширным. Среди работ, которые повлияли на мои размышления, можно назвать следующие: [Westad 2005; Cullather 2010; Latham 2000; Latham 2011; Ekbladh 2011; Gilman 2007; Adas 2010; Immerwahr 2015; Pettinà 2016]. См. также превосходную двухчастную статью Джозефа Ходжа: [Hodge 2015; Hodge 2016].

годов ученые начали вписывать в эту историю усилия европейских и социалистических блоков, что, в свою очередь, привело к новому пониманию сходств и различий между (и внутри) подходами к развитию стран первого и второго мира².

Идея о том, что правительства могут использовать технологии и социальные науки для «улучшения условий жизни людей», берет свое начало в эпохе Просвещения. В XX веке европейские государства пытались применить эти идеи внутри страны и в своих колониях. В послевоенные десятилетия развитие стало прерогативой международных организаций, таких как Всемирный банк, а также фондов, созданных в более ранний период. Считалось, что экономическое развитие требует такой разнообразной инфраструктуры, как автодороги, железные дороги и порты, а также доступа к минеральным ресурсам, электроэнергии, рационализации сельского хозяйства и в конечном счете промышленного производства. Многие теоретики и практики также понимали, что для успеха любого из этих проектов развития понадобятся подготовленные инженеры, квалифицированные рабочие и администраторы, которые смогут довести их до конца. Таким образом, развитие должно было также включать в себя образование. В дополнение к своим техническим знаниям людям также следовало освоить особые формы оптимизма — веру в государственные институты, курсы самосовершенствования, а также науку и рациональное мышление вместо традиций — часто сводившиеся к более широкой концепции модернизации. 1950-е и 1960-е годы были расцветом идеи развития: не только постколониальные элиты считали этот спектр программ возможным и желательным, но и значительная часть населения, которой руководила элита, а также специалисты и политики в международных институтах, аналитических центрах, университетах и органах принятия решений в так называемых странах первого мира. Ученые-социологи уверенно говорили о том, что «традиционное общество» становится «современным» [Lerner 1958].

² См. [Engerman 2011; Friedman 2015; Telepneva 2014; Iandolo 2014; Iandolo 2012].

К концу 1960-х годов этот консенсус касательно того, как сделать мир лучше, обрушился. Миллиарды долларов, казалось, приносили мало пользы как в деле общего экономического производства, так и в деле повышения уровня жизни. Некоторые ученые начали подвергать сомнению предпосылки большей части политики развития, утверждая, что проблема заключается не только в различиях в устройстве между развитыми и слаборазвитыми странами, но и в сохраняющихся неравных условиях торговли между ними [Cooper, Packard 1997: 5–6]. Другие выдвинули гипотезу, что оптимистичные представления 1950-х и 1960-х годов недооценивали степень социальных изменений, необходимых для того, чтобы современная индустриальная экономика смогла выжить. В следующем десятилетии такие организации, как Всемирный банк, сместили свой акцент с крупномасштабного государственного развития на то, что теперь называется «базовыми потребностями» [Finnemore 1997]. Антропологи и прочие социологи начали подвергать сомнению предпосылки теории развития. В конце концов некоторые из них разработали более фундаментальную критику усилий по развитию, показывая, каким образом в подобных инициативах европейская современность рассматривается как идеальное конечное состояние, но при этом имеется тенденция игнорировать коренные общины и уничтожать их средства к существованию³. Развитие, согласно этой логике, является империализмом под другим названием. Критика со стороны экологов, особенно направленная против крупномасштабных инфраструктурных проектов, таких как гидроэлектростанции, подорвала прежний консенсус еще больше. Ученые утверждали, что развитие ведет к подавлению политической борьбы, предлагая своего рода технократически-универсалистское оправдание власти его практиков [Ferguson 1990]. Эти аргументы пересекаются с критикой самой идеи преобразования общества, наиболее ярко сформулированной Джеймсом Скоттом, а также с продолжающимися дебатами о самом понятии «современность» [Скотт 2005; Cooper 2005: 113–152]. Как правило, ис-

³ См., например, [Escobar 2011].

следования осуществлявшейся США в XX веке помощи в развитии вторили этой критике, часто принимая иронический или циничный тон [Cooper 2005: 148; Engerman, Unger 2009: 376].

История советского развития в Средней Азии развивалась по схожей схеме. После сталинской эпохи регион оставался производителем хлопка с ограниченным промышленным производством. В 1950-х годах местные и московские ученые и планировщики утверждали, что регион созрел для индустриализации, указывая на гидроэнергетический потенциал его рек и изобилие трудовых ресурсов. Эти прогнозы основывались на идее, что сельскохозяйственные работы будут механизированы, а поток рабочей силы, мужской и женской, будет доступен для новых отраслей промышленности. Индустриализация будет способствовать распространению государства всеобщего благосостояния и образования, повышению уровня жизни и превращению жителей Средней Азии в полноценных советских граждан и социалистических субъектов. К началу 1970-х годов эти предположения все чаще подвергались сомнению как в Москве, так и в регионе. Жители Средней Азии явно не горели желанием присоединяться к промышленности; хлопок по-прежнему собирали вручную; и хлопковая экономика, и индустриализация разрушали окружающую среду. К 1980-м годам некоторые местные критики утверждали, что советская экономическая политика была выгодна только Москве и была всего лишь еще одной формой колониальной эксплуатации.

Ученые, оценивавшие советское развитие в Средней Азии с позиций конца 1980-х годов, считали его неудачным. Советский этнограф С. П. Поляков утверждал, что социалистический образ жизни едва проник в таджикскую деревню и что выбор молодых людей продолжают определять религиозные и семейные традиции. Взгляды Полякова были продуктом позднего советского периода, когда многие из утверждений, делавшихся пропагандой в предыдущие десятилетия, внезапно оказались ложными. Если от предыдущего поколения этнографов ожидалось, что они покажут деревни, движущиеся к социалистической современности, то Поляков продемонстрировал очевидную неспособность со-

ветских институтов осуществить в сельской местности реальные социальные изменения [Poliakov 1992]⁴. В то же время некоторые социологи отмечали, что Советскому Союзу не удалось создать в Средней Азии современных субъектов, осознающих собственную индивидуальную значимость и активных в политической и экономической жизни⁵. Если некоторые советские ученые сетовали на отсутствие изменений, то западные исследователи подчеркивали разрушительный характер советского эксперимента⁶. К счастью, эта грубая дихотомия исчезла из большей части западной историографии, хотя дебаты об успехе или неудаче советской эпохи продолжают играть важную роль в политике независимых государств Средней Азии и влиять на отношения этих государств с Россией.

Развитие, модернизация, культура, империя

Немногие концепции столь же вездесущи и столь же проблематичны, как концепция современности. Ученые, которые разрабатывали в середине XX века теорию модернизации, могли уверенно говорить об экономической жизни, политических институтах и устранении религии из публичной сферы как о наборе характеристик, которые определяют «современность». Сегодняшние историки не могут позволить себе роскошь такой уверенности. В середине XX века «современность» означала европейские или западные достижения и, таким образом, служила поддержанию иерархии, впервые установленной империализмом. Некоторые ученые выделили несколько (например, китайскую, исламскую, социалистическую) современностей, но, как отмечает Фредерик Купер, «если современность порождает любая форма инноваций, то у этого термина мало аналитической ценности» [Cooper 2005: 114]. В русском или в целом советском

⁴ О контексте работы Полякова и ее значении для современных исследований советской эпохи см. [Абашин 2015: 16–20].

⁵ См., например, [Лычагина, Чамкин 1990].

⁶ См., например, [Fierman 1991b; Rumer 1989].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru